

с. 2.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

I.

Отличительная особенность послѣднихъ разсказовъ Чехова, между прочимъ, та, что почти всѣ они проникнуты уныlostью; иногда въ нихъ сказывается и нѣчто совсѣмъ-таки безнадежное, пессимистическое. Таково и новое произведение талантливаго автора: «Скучная исторія» въ «Сѣв. Вѣстн.», которую г. Чеховъ разсказываетъ отъ имени профессора Николая Степановича.

Николай Степановичъ—человекъ популярный. Въ Россіи оно известно каждому грамотному человѣку, а за границей оно упоминается съ каедръ съ прибавкою: известный и почтенный. Николай Степановичъ занимается профессорскую кафедру по медицине въ одномъ изъ русскихъ университетовъ 30 лѣтъ; отъ роду ему 62 года; но ужъ давн его сочтены, и самъ онъ увѣренъ, что ему осталось жить всего лишь полгода. Въ теченіе этихъ-то мѣсяцевъ Николай Степановичъ и ведетъ свои «Записки стараго человѣка». Но какая немѣримая разница между его записками и посмертными записками Пирогова. Тамъ вы видите передъ собою ученаго, сознающаго, что многолѣтняя жизнь его прошла съ пользою для науки и для родины, потому что наука и жизнь для него всегда были связаны неразрывными узами взаимодѣйствія,—тамъ передъ вами рисуется человѣкъ, до послѣдняго дня не потерявшій «душу живу»,—философъ, съ полнымъ сознаниемъ и спокойствіемъ встрѣчающій смерть. Здѣсь же, въ запискахъ Николая Степановича, передъ нами выступаетъ человекъ малодушный, нѣсколько черствый, едва-ли любящій людей, и во всякомъ случаѣ не любящій своей семьи. Въ молодости Николай Степановичъ любилъ и мечталъ о счастіи быть врачомъ. Мечты его сбылись. Достигнувъ извѣстности, онъ пользовался почетомъ и уваженіемъ такихъ людей, какъ Пироговъ, Кавелинъ и поэтъ Некрасовъ, дарившихъ его самой искренней и теплой дружбой. Его любилъ и какъ профессора. «Однимъ словомъ, если оглянуться назадъ,—говоритъ Николай Степановичъ,—то вся моя жизнь представляется мнѣ красной, талантливо сдѣланной композиціей». И за всѣмъ тѣмъ его гложетъ червякъ недовольства. «Когда мнѣ прежде приходила

охота понять кого-нибудь, или себя, — пишетъ Николай Степановичъ,—то я принималъ во вниманіе не поступки, въ которыхъ все условно, а желанія. Скажи мнѣ, чего ты хочешь, и я скажу кто ты...

И теперь я экзаменую себя: чего я хочу? Я хочу, что-бы наши жены, дѣти, друзья, ученики любили въ насъ не имя, не фирму и не ярлыкъ, а обыкновенныхъ людей. Еще что? Я хотѣлъ-бы имѣть помощниковъ и послѣдниковъ... Еще что? Хотѣлось-бы проснуться лѣтъ черезъ сто и хоть однимъ глазомъ взглянуть, что будетъ съ наукой. Хотѣлось-бы еще пожить лѣтъ десять... Дальше что? Дальше Николай Степановичъ открываетъ, что въ его пристрастіи къ наукѣ, въ его желаніи жить и въ стремленіи познать самого себя, во всѣхъ мысляхъ, чувствахъ и понятіяхъ, какія онъ составилъ обо всемъ, нѣтъ чего-то общаго, что связывало-бы все это въ одно цѣлое. «Каждое чувство и каждая мысль живутъ во мнѣ,—говоритъ онъ—особнякомъ, и во всѣхъ моихъ сужденіяхъ о наукѣ, театрѣ, литературѣ, ученикахъ и во всѣхъ картинахъ, которыя рисуетъ мое воображеніе, даже самый искусный аналитикъ не найдетъ того, что называется общею идеей, или Богомъ живаго человѣка... А коли нѣтъ этого, то, значитъ, нѣтъ и ничего».... Эти именно слова и это признание Николая Степановича имѣютъ для насъ большую цѣнность. «Не одна вѣщная правда—говоритъ Пироговъ въ «Посмертныхъ Запискахъ»,—а раскрытіе правды внутренней передъ самимъ собою и вовсе не съ цѣлью оправдать или осудить себя должно быть назначеніемъ автобіографіи мыслящаго человѣка». Вотъ эта-то правда и сказала въ вышеприведенныхъ словахъ Николая Степановича. Правда эта ясна сама собою; она не оставляетъ сомнѣній на счетъ того, что Николай Степановичъ въ сущности лишенъ былъ, какъ я уже сказалъ, альтруистическихъ привязанностей. Такой выводъ идетъ въ разрывъ съ намереніемъ автора, и оттого, не смотря на желаніе г. Чехова выставить Николая Степановича понимающимъ «корень вещей» и сущность людскихъ отношеній,—я утверждаю, что исторія предсмертныхъ душевныхъ страданій «знаменитости» действительно скучная исторія; въ ней нѣтъ ни логической стройности и послѣдовательности сознательнаго пессимиста, ни той общей идеи, во имя которой Николай Степановичъ все подвергаетъ разрушающему анализу. Она—исторія больного че-

ловѣка, раздраженнаго близостью смерти, которая сдѣлаетъ за нимъ понятаямъ и жеманно твердить: «не уйдешь!» Въ то-же время она исторія человѣка, который если и любилъ когда міръ и людей, то любилъ головою, а не сердцемъ. Въ этомъ и кроется причина, почему въ себѣ самомъ онъ не видитъ живой души,—и почему его любовь не сильнѣе смерти и страха смерти. Николай Степановичъ любилъ лишь одно существо—то была его воспитанница Катя. Но, вѣрный своему намеренію, авторъ и эту любовь доводитъ до печальнаго конца. Катя дочь врача-опулиста, товарища Николая Степановича.

Послѣ смерти отца, она осталась одинокою семи лѣтъ. Отецъ скопилъ для нея тысячъ шестьдесятъ денегъ и въ завѣщаніи назначилъ ей въ опекуны своего товарища. Въ его семьѣ Катя жила до десяти лѣтъ; потомъ была отдана въ институтъ. Но воспитаніемъ Кати Николай Степановичъ вовсе не занимался и узналъ ее самое только послѣ того, какъ надъ нею разразилась душевная гроза. Это случилось въ провинціи, куда Катя уѣхала съ трупною, увлекшись страстною любовью къ театру. Въ пору своихъ артистическихъ странствованій, Катя полюбила «молодого мужчину съ брѣшымъ лицомъ, въ широкополой шляпѣ и съ пиджкомъ, перекинутымъ черезъ плечо». Но любовь кончилась несчастіемъ, ибо онъ принадлежалъ къ «табуну дикахъ людей»; печальнымъ исходъ имѣла и артистическая дѣятельность Кати: таланта у нея не оказалось, а осталась въ рядахъ посредственностей ей самолюбіе не позволяло. И она бросила театръ. Такимъ образомъ, мечты были разбиты, любовь опозорена. Катя вышла изъ борьбы существомъ апатичнымъ и безжизненнымъ. Такою она вновь возвратилась въ тотъ городъ, гдѣ жила Николай Степановичъ, и поселилась недалеко отъ него. Постояннымъ общеніемъ съ своимъ воспитателемъ, котораго она глубоко любила и въ душевное величіе котораго вѣрила, Катя хотѣла поддержать себя. Затѣмъ и для нея настала пора страпнуть съ себя апатію, въ душѣ ея проснулось желаніе жить. Она обращается къ Николаю Степановичу съ просьбою поддержать ее.

— «Помогите! рыдаетъ она, хватая меня за руку и цѣлуя ее,—разсказываетъ профессоръ. Въдъ вы мой отецъ, мой единственный другъ! Въдъ вы умны, образованы, долго жили! Вы были учителемъ! Говорите-же: что мнѣ дѣлать?»

— «По совѣсти, Катя—отвѣчаетъ ей

Сочин. с. Зина Пирогова

— уже в 89 году!

Николай Степанович: не знаю*...

Отвѣтъ профессора Катя принимаетъ холодно. „Прощайте“, говоритъ она и, уязвленная въ своемъ глубокомъ чувствѣ, разочарованная въ величіи Николая Степановича, уходитъ отъ него, быть можетъ съ тѣмъ, чтобы никогда уже къ нему не вернуться.

Мнѣ кажется, однако, что и Катя, и самъ авторъ оказались въ этомъ случаѣ людьми, не въ мѣру жестокими, — по скольку жестоко требовать отъ умирающаго отвѣтъ на такой трудный вопросъ, какой поставила Николаю Степановичу Катя. Какой же смыслъ хотѣлъ придать авторъ ихъ послѣднему свиданію? Неужели тотъ, чтобы еще сильнѣе отбѣнить одиночество профессора и тѣмъ самымъ довести его унылость до послѣдняго предѣла? Если такъ, то въ этомъ нельзя не видѣть недостатка разсказа г. Чехова.

Въ общемъ, однако, разсказъ отличается большими художественными достоинствами, — особенно въ той части, гдѣ рѣчь идетъ о Катѣ. Ея образъ очерченъ немногими штрихами, но въ нихъ видна талантливая рука. Нельзя сказать то-же о Николаѣ Степановичѣ. Если его устами авторъ хотѣлъ сказать, что жизнь не щадитъ и людей вѣровавшихъ и что похоть конца земнаго существованія не остзетъ ничего кромѣ тоски и сознанія о безплодно прожитыхъ годахъ, даже въ душѣ тѣхъ, кто достигъ своей цѣли, то послѣдовательности, а, слѣдовательно, и цѣльности художественной въ этомъ случаѣ въ разсказѣ г. Чехова нѣтъ. Мы видѣли, что „унылость“ Николая Степановича зависѣла отъ причинъ, не имѣющихъ ничего общаго съ его знаменитостью. Это, наконецъ, не та „унылость“, какую отмѣчены послѣдніе годы жизни Тургенева. У Тургенева она составляла особенность его всегдашняго міросозерцанія и не переходить въ пессимизмъ, а этотъ послѣдній не принимаетъ форму старческаго брюзжанья, котораго не чуждъ Николай Степановичъ.

Великій писатель представляется скорбящимъ о людяхъ, какъ о жертвахъ, обреченныхъ на жизнь. Николай-же Степановичъ скорбитъ и мучится вслѣдствіе недостатка любви къ этимъ людямъ, которая не въ головѣ помѣщается...

II.

Въ спорѣ или въ обычномъ разговорѣ случается иной разъ услышать такое неожиданно-несообразное мнѣніе, на которое возражать можно только жестомъ, — то-есть „развести“ руками и — замолчать. Въ такое положеніе я былъ поставленъ

И. С-инъ